

A painting of a landscape. In the foreground, a large, dense tree with dark green and brown leaves dominates the left side. The ground is a mix of dirt and sparse vegetation. In the middle ground, a dog is visible, standing on a dirt path. The background shows a hazy, distant landscape under a sky with soft, white clouds. The overall color palette is muted, with earthy tones and soft blues.

Софья Сонецкая

ДВЕ ПОЛОСКИ

Софья Сонецкая

Две полосы

«Издательские решения»

Сонечкая С.

Две полоски / С. Сонечкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932686-7

Первая книга автора, сборников рассказов и стихов. «Нажми на кнопку» — рассказ о том, как не бояться изменить свою жизнь.

ISBN 978-5-44-932686-7

© Сонечкая С.
© Издательские решения

Содержание

«2 полоски»	6
«За что?»	8
«Птица»	17
«Сказка о воздушном шарике»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Две полоски

Софья Сонецкая

© Софья Сонецкая, 2018

ISBN 978-5-4493-2686-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«2 ПОЛОСКИ»

Стоял яркий солнечный денек, теплый, тихий, безветренный. Воздух, напоенный ароматом осени, проникал в открытое окно, маня бросить работу и выйти на улицу. Побродить по парку среди стройных, золотистых березок, по устилавшему землю шелестящему ковру из опавшей листвы. Но, увы! Это было невозможно! Рабочие заботы не давали расслабиться ни на минуту. От этого напряжения заболела голова. Сначала едва-едва, потом все сильнее. В конце рабочего дня боль стала просто невыносимой.

Сев в автобус, она была вынуждена выйти через 4 остановки, что б немного пройтись пешком, проветриться. Каждый шаг болью отдавался в голове, поэтому еле доплетаясь до следующей остановки, она села в автобус снова. Добравшись до дома, она рухнула на постель, не переодеваясь, сбросив с себя только куртку. Голова болела до тошноты. Виски пронзала острая боль при малейшем повороте головы. Она пыталась уснуть, но боль не давала ей. Пролежав, таким образом, часа 3 и выпив 2 таблетки, ей все же удалось снять ее. Эту ужасную боль. Однако подташнивание осталось. «Да что это со мной! Уж не заболела ли я?». Она измерила температуру 36.6. Подумала немного, достала мамин аппарат и проверила давление. 120/80. Для всех норма, но у нее всегда пониженное. «Может поэтому так болела? Высоковатое все же! Или на погоду, говорят, завтра резкое похолодание. Хотя смешно, реагировать на погоду в моем столь молодом возрасте!» И все-таки что-то с ней было не так. Она чувствовала в себе какие-то необъяснимые перемены. «Что же со мной может быть?» – размышляла она. И вдруг шальная мысль промелькнула в ее голове.

«А вдруг?». Она заволновалась, нервно заходила по комнате. «А вдруг?» Мысль не оставляла ее. Она преследовала ее. Наконец, она не выдержала, оделась и дошла до соседней аптеки.

Купив то, что хотела, пришла домой.

Вообще-то положено утром, но терпеливость это не ее добродетель, и она решила, плюнув на то, что и как положено, проверить догадку сейчас.

Подождите 5 минут. Гласила инструкция. Она задумалась, стараясь не смотреть.

Долгие годы она каждый месяц надеялась, сначала удивлялась увиденному, считая это нелепой ошибкой, потом стала очень огорчаться, спустя несколько месяцев – рыдала, закрывшись в ванной. Потом снова яростно надеялась, ведь столько сил, столько средств положено на это! Надеялась, потому все у них хорошо, и все в голос твердили- «ждите! Просто не пришло еще ваше время». Она ждала. Надеялась, верила, молилась всем богам, упрашивала судьбу, писала бумажки с желанием и развешивала по дому, съела не один счастливый билет, загадывая заветное желание везде. Ей казалось, все на нее косятся. Особенно родня мужа. Ей было крайне неловко под их косыми, недобрыми, как ей казалось, взглядами. Она так старалась! Перечитала кучу литературы, обошла кучу врачей и даже не врачей, пытаюсь решить свою проблему. Но все было безуспешно.

5 минут давно миновали, но она не смотрела. Пока не посмотрела, еще есть надежда! Давно. Очень давно она не делала тест. Слишком ярко она помнила жестокие разочарования, когда волна боли захлестывала ее. Непереносимой боли. Сродни сегодняшней головной. Только болела душа. Она разрывалась на части. Как много бы отдала бы она за слово «Мама» – сказанное в ее адрес малюсенькими пухлыми губками. В ее глазах стояли перетяжечки на детских мягких ручонках, пальчики-горошинки на стопочках... Как много бы она отдала за это!!!

Печально вздохнув, приготовившись к тому, что она сейчас увидит, и уговаривая себя не расстраиваться, взглянула на то, что принесло уже ей столько слез.

2 полоски.

Она не поверила своим глазам!

ДВЕ ПОЛОСКИ! Выскочив из дома, она ругала себя, что не купила еще тестов. Ведь правильный результат должен быть утром. На всякий случай купила 2. Дома, ходя из угла в угол, все еще не веря в происходящее, боясь, что чудо исчезнет, она не выдержала ожидания утра и сделала еще один.

2 полоски.

А потом и еще один.

2 полоски.

Не поленилась сходить в аптеку еще раз. Купить еще. Аптекарьша уже улыбалась, увидев ее третий раз. «Сколько на этот раз, девушка» – промолвила сквозь улыбку она. «Один» – чувствуя неловкость и радость одновременно, ответила она, тоже сдерживая довольно разъезжавшиеся в стороны, губы.

«Девушка, вы беременна. Вы вся светитесь. Можете не сомневаться!» – сказала провизор. «Но ведь, что б не было сомнений надо утром! А сейчас вечер!»

«Девушка, уж если показало 2 полоски, значит точно. Утром делают для того, что б концентрация гормона, вырабатывающегося только у беременных, была выше. А у вас этого гормона и так достаточно! Сомнений нет. Вы беременны! Я вижу, что вы счастливы, но боитесь открыться счастью. Это свершилось. Я рада за вас! Я запомнила вас еще с позапрошлого года. Девушка, у вас все будет хорошо!»

«Все уже хорошо!» Она звонко рассмеялась и стремительно вышла.

Долго-долго она бродила по осеннему парку, шурша пожухлыми листьями, среди янтарных пятен берез.

А утром она подала мужу завтрак прямо в постель. Чашечку свежесваренного ароматного кофе и тарелочку, накрытую белоснежной накрахмаленной салфеткой.

Сонный муж чмокнул ее в щеку, приоткрыв глаз, отхлебнул кофе и, заинтригованный, с большим интересом, откинул салфетку.

Две полоски!

Он счастливо рассмеялся, притянул ее к себе и поцеловал долгим страстным поцелуем.

«Любимая! Это самый вкусный завтрак, из всех, что мне довелось в своей жизни попробовать!»

Он мягко потянул ее за руку, приглашая ее прилечь, и они долго-долго, лежа в обнимку, молчали, думая об одном, и у обоих перед глазами была одна и та же картина:

Две полоски.

«За что?»

– Алло! Это Антонина Владимировна?

– Да. Я вас слушаю.

– Ваш муж, Антон Игоревич находится в реанимации. Не кладите трубку, пожалуйста!

С вами хочет поговорить лечащий врач – сказал усталый женский голос.

Трубка выпала у нее из рук.

Муж! Реанимация! Врач. Хочет поговорить...

Больше всего ее насторожила фраза- «хочет поговорить»

Она не знала, что ей сейчас скажут, и молилась о том, чтобы не самое страшное.

Шли минуты. В трубке, которую она подняла, по-прежнему была тишина. Целая вечность прошла с того момента, как она услышала слово «реанимация». За это время в голове пронеслась вся их жизнь. Она успела перебрать тысячи вариантов, почему он мог оказаться в реанимации. От аварии до банального аппендицита.

В трубке что-то брякнуло. Она вздрогнула.

– Антонина..эээ... Владимировна! -сказала врач, с некоторой задержкой, видимо забыв отчество и придвинув историю болезни на которой были записаны ее данные, -Ваш муж в тяжелом состоянии.

– Что с ним? Что произошло? – выдохнула, не находящая себе места, Тоня.

– У него инсульт. Кровоизлияние в головной мозг. Прогноз неутешительный. Будьте готовы к любому исходу. Мы делаем все, что в наших силах. Ему сделана спинномозговая пункция и в ликворе кровь. Много крови. Вы меня понимаете?

Антонина в целом понимала о чем речь, но понятные слова перемешивались с какими-то чужими. Словами из чьей-то чужой жизни.

Какое отношение к ним может имеет кровь непонятно в чем. У них ведь только все стало налаживаться! Антон одумался и вернулся.

Точнее его выгнали.

Но ведь вернулся же к ней.

«А куда еще-то ему было деваться- нашептывал кто-то внутри. – Кому он нужен, кроме тебя, дуры?»

– Вы меня слышите? Слышите? – вопрошал в трубке голос, и Тоня поняла, что уплыла мыслями далеко-далеко!

– Да! Слышу.– ответила она.

– В реанимацию мы не пускаем обычно, но вы приходите.-

– Попрощаться? – горько сказала она.

– Не надо так. Мы делаем все что можем. И не тяните, пожалуйста, берите такси и приезжайте. До свидания- сказала врач и отключилась.

Значит, все плохо! – решила Тоня. Трясущимися руками она пыталась расстегнуть замок сумки, чтоб положить сотовый. Накинула пальто и побежала по ступеням.

«Ой! Нужно же предупредить начальство!» – пронзила ее внезапная мысль.

Она побежала по ступеням вверх. Аркадия Мажитовна прихорашивалась у зеркала. Это была очень экстравагантная дама с необычным именем и отчеством и с самой, что ни на есть, обычной фамилией, Иванова, по совместительству ее давняя подруга.

– Аркаша, у нас беда! Антон в реанимации. Инсульт. Я побежала!

– Туда ему, и дорога! – громогласно заявила подруга.

– Аркадия! Ты с ума сошла! Что ты несешь?

– Это ты с ума сошла. Он же тебя бросил. В 15-тый раз, или 20-тый, я уж сбилась со счета. Пусть та курица и беспокоится! Тебе -то что до него? – начальница говорила, крася при этом губы.

– Аркаша! Так нельзя! Нельзя желать никому зла!

– Да я и не желаю. Я просто не понимаю, какое он имеет к тебе отношение. Ты ж подала на развод, наконец-то! Недели еще не прошло. Ну, и зачем он тебе сдался? Всё. Хорош с ним возиться, пусть другие теперь мучаются! – пудрясь, наставляла ее Аркадия.

– Он вернулся.

Пудреница выпала у нее из рук, подняв вверх целое облако бежевой пыли.

– Когда? – еле выдавила из себя подруга.

Тоня бросилась к пудренице.

– Слава Богу, зеркало целое! – воскликнула она. И еле слышно добавила – позавчера...

– А вчера ты забрала заявление! Ведь так? – грозно надвигаясь на нее, спросила начальница.

– Даааа..– проблеяла подчиненная.

– Тонька, ну ты и дура! Прости меня, но полная дура! Круглая! А этот -то! Хорош! Жареным запахло, примчался! – качала головой с укоризной Аркадия Мажитовна.

– Аркаш, сказали прогноз плохой. Бери, мол, такси, а то не успеешь. Он.. он... может...

– Поехали подброшу.– все равно на встречу собралась. И если все сложится, если все сложится... то... смотрясь в зеркало, вытягивая губы и разглаживая лицо, говорила госпожа Иванова.

– И сколько ему? – спросила Тоня.

– Молодой. Скажем так, весьма молодой.

У начальницы была одна особенность. Каждая новая ее пассия оказывался моложе предыдущего. А учитывая, что разница с последним составляла 21 год, Тоня решила не спрашивать, сколько именно, боясь услышать цифру.

В прошлом году она отметила золотой юбилей, а Аркадии он предстоял в этом.

В машине паника охватила Антонину. Ей представилось, что именно сейчас, в эту минуту он лежит, увешанный трубками и зовет ее.

Он всегда ее звал. Когда только поженились, звал, потому что соскучился. «Тоооонь!» – кричал он из спальни.

Он звал ее, когда заболел, будучи у какой-нибудь очередной любовницы. «Тоооонь... – умирающим голосом сипел он в трубку- привези мне таблеток!»

И она, среди ночи, бежала в аптеку, покупала за свои деньги самые лучшие лекарства. Привозила, наняв такси, на другой конец города. Дверь открывала какая-нибудь очередная длинноногая фифа, которая среди орала на весь дом, «Тоша! Тут тетка твоя, таблеток привезла, пускать?» —

И слышала в ответ: «Люсенька/Наденька/Настенька/Юлечка или еще кто-нибудь, я же могу заразить ее!»

Она спускалась, садилась в такси и плакала всю обратную дорогу. От безысходности. От того, что не может отказать ему, но более всего от того, что ей было безумно жалко его. Вряд ли эта фифа дает ему лекарства как положено. По три раза в день. Через 8 часов. Запивать пол стаканом воды. После этого стакан чая с малиной и укрыть, чтоб пропотел, с потом вся болезнь выходит.

«Да она, наверное, и в комнату-то не заходит! Заразный же! „Тетка“!» – всплывало в ее мозгу, и горькая обида охватывала все ее существо.

«Тоооонь...» – тихим и трагическим голосом звал он ее, когда его в очередной раз выставили на улицу.– приедь, забери меня! Я на качелях у песочницы, по адресу...»

Приехать домой сам он, видите ли, не мог.
И она ехала.

«Тооонь! Я умираю! – звал он ее с очередного похмелья, в те моменты, когда достаивал чести жить с ней под одной крышей, и она несла ему аспирин и рассольчик в высоком бокале.
«Что ты принесла, банку неси» – возмущался муж.

«Тооонь... Я умираю...» – стучало у нее голове.
«Антоша, потерпи! Я еду к тебе! Все будет хорошо! Ты только дождись меня! Молю тебя- дождись! Я ведь так тебя люблю»
И всю оставшуюся дорогу она молила небеса пощадить его!
И ее. Поскольку жизни без него не представляла...

***

Все подруги осуждали ее, называли дурой, давали ценные советы, учили жизни и учили любить себя. Она внимательно слушала, запоминала, искренне пыталась воплотить советы в жизнь, но ничего не получалось. Других мужчин она не видела. Для нее существовал только он. Ее ненаглядный Антон. Антошенька. Ее любимый.

Она любила его, со всей страстью, с 13 лет. Он был такой взрослый! На целых 4 года старше ее. Дружил с ее старшей сестрой. Точнее, у них была любовь. Правда длилась она всего полтора месяца, после чего отношения перешли в дружбу.

Антон продолжал бывать в их доме.

«Привет, малая!» – неизменно говорил он при встрече, и легонько щелкал ее по носу.

В 18 его забрали в армию, и она ждала. Он, конечно, об этом и не подозревал. Изредка он присылал Марии дружеские письма. Маша, прочитав, выбрасывала их в мусорное ведро, а Тоня, подкараулив этот момент, оттуда их извлекала. У нее накопилось целых 6. Она прятала эти сокровища от всех, и частенько поливала их ночью слезами умиления.

Он пришел в мае, когда яблони нарядились в свадебные платья, когда сирень раскрыла свои грозди с четырехлиственными цветочками, среди которых можно было поискать счастливый пятилистный. Цветочек счастья и исполнения желаний, если его съесть.

В эту весну ей везло. Она нашла целых 6. Желание у нее было одно.

Тоня усердно искала седьмой, для полного счастья. Ведь 7- счастливое число.

Вдруг кто-то закрыл ей глаза теплыми ладонями. Она положила на чьи-то руки свои, неистово мечтая, о чуде. И оно произошло. Обыкновенное чудо.

Перед ней стоял Он.

Антон. Повзрослевший, возмужавший. Она смотрела на него, совершенно потеряв дар речи.

Воздух был напоен ароматом сирени и яблони, он сводил с ума, дурманил, пьянил.

«Привет, малая! – сказал он и взял ее, безвольно висевшую руку в свою, – Ба! Да, ты стала совсем взрослой! Сколько тебе? Уже 16? Как быстро время летит! Женихи-то есть?» – улыбался он, не сводя с нее взгляда. Весной, стоявшая пене белых кружев легкая, хрупкая, неожиданно повзрослевшая, девочка, поразила его воображение.

«Тургеневская!» – подумал он про нее.

На Машкиной свадьбе, Антон был свидетель жениха. В самый разгар веселья, когда все танцевали, заиграла медленная песня. Она до сих пор помнила ее. Алла Пугачева пела про какую-то белую дверь. В этот момент он и пригласил ее на танец в первый раз.

Эта белая-белая дверь стала для нее символом надежды, и до сих пор в ее квартире были обычные, с советских времен, белые двери, которые она ежегодно красила. С ними было

столько мороки, они не вписывались в интерьер, но Антонина стояла горой, не давая сме- нить их.

Вскоре после свадьбы он пригласил ее на настоящее свидание. Тоня была на седьмом небе от счастья! Они гуляли по городу, до самой ночи и счастливее ее не было на всей земле.

Мария частенько предупреждала Тоню, чтоб та не обнадеживалась, что Антонин жуткий бабник, и долго удержать его интерес невозможно.

Тоня видела это. Не возможно было не увидеть его восхищенных взглядов, которыми он провожал каждую юбку.

Он родился таким, говорила впоследствии ее свекровь. С пеленок он умел так улыбаться женщинам, ее подругам, что те души не чаяли в этом, малюсеньком херувимчике, белокуром и кудрявом, голубоглазом и очень жизнерадостным. Начиная с детского сада, девчонки тол- пами ходили за ним. Подруги свекрови продолжали любить его и для каждой он умел найти слова: «Тетя Лиля, какая у вас красивая кофточка!» или «Тетя Оля, угощайтесь конфеткой, последнюю для вас оставил»

«Это у него в крови. Прими его таким, если желаешь ему счастья. Он ведь и сам не рад, тому, что родился ловеласом» – говорила ей свекровь.

И она принимала.

Они встречались в среднем раз в месяц, после встречи он пропадал, и появлялся в ее жизни тогда, когда ему заблагорассудится. Иногда она узнавала о каком-нибудь головокру- жительном романе с какой-нибудь блондинкой, или брюнеткой. Бывали и шатенки, но они скоро надоедали ему. В ней же он находил покой и умиротворение.

Когда ей исполнилось 18, он неожиданно сделал ей предложение, удивив ее безмерно. И через месяц их левые руки украшало непростое украшение- обручальное кольцо.

Точнее украшало ее руку, так как свое он снял сразу после свадьбы, и больше его она кольцо ни разу не видела.

Тоня была счастлива! Она даже в самых смелых своих мечтах и надеяться не могла, что он снизойдет до нее. Для нее он был почти божество.

«Только учти, чтоб никаких детей!» – заявил он ей тогда. И она строго следила за этим.

Теперь она жалела о том, что не послушалась его. Детей она очень любила и хотела. Но... увы, ей не хватило силы духа на это.

Тоня считала себя серой мышкой, каким-то немислимым образом получившей главный приз в лотерее «Спортлото». Вся жизнь ее вертелась вокруг него. Лишь бы Антошеньке было хорошо! Она безмерно утомляла его этой приторной заботой, этой бесконечной любовью, от которой он чувствовал себя неполноценным, ведь он так любить не умел. Он сбегал от ее заботы, бесконечного ее самопожертвования. Он чувствовал себя грязным на фоне ее ослепи- тельно белой, без малейшего пятнышка, души.

О! Как бы он хотел, что бы она была человеком. Простым обычным человеком, но она была ангелом. С нимбом.

Они оба комплексовали и чувствовали себя неполноценными рядом с друг с другом.

Ей казалось, что она недостойна его, ему, что он достоин ее.

Он снова и снова уходил, в надежде, что когда-нибудь ей это надоест, и она бросит его, недостойного. Но она всегда была рядом, всегда прощала. Точнее, ей даже и в голову не при- ходило обижаться на него.

Ее чистота и доброта раздражали его.

А Тоня даже подумать об этом не могла, и если б узнала бы, удивилась бы безмерно.

Он любил ее. Весьма своеобразной любовью. Но любил. Куклы с пустыми глазами надо- едали ему уже на третий день. И он вскоре находил любой предлог, чтоб набрать ее номер

и позвать: "Тоооонь!" – боясь, очень боясь, что в этот раз она не приедет. Но она приезжала. Каждый раз. И его сердце наполнялось теплом.

Он возвращался, переполненный чувствами к ней, благодаря судьбу, но чувствуя себя недостойным и ее мизинчика. Когда чувство вины достигало своего апогея, он сбегал вновь. Страдал, мучился, но так и продолжал мучить себя и ее.

В этот уход он не смог найти никакого предлога и позвонил просто так. Он так долго обдумывал слова, он мечтал сказать ей о том, как любит ее, и как жалеет обо всем.

Но она, подняв трубку, не дав сказать ему ни одного слова ранила его в самое сердце: «Антошенька, прости меня, я мешаю тебе жить своим присутствием в твоей жизни поэтому я хочу освободить тебя! Я подала на развод!»

Но он не хотел! Он не хотел свободы! Он хотел бы любить ее так же, как она любит его. Он хотел сделать ее счастливой.

Но она вряд ли могла это предположить.

Целую ночь он не сомкнул глаз и утром, в 5 утра выскользнул от очередной Барби. Как ее зовут, он не запомнил. Все они были для него на одно лицо. С пустыми глазами.

Сначала она не пускала его, волнуя, но и умиляя его этим до бесконечности. Но стоило ему только перестать стучать, как дверь тут же открылась и оттуда выпорхнула его птичка. Он порывисто обнял ее, и через 2 часа они вместе рвали заявление на развод.

Тоня убежала на работу, а он после 3 бессонных ночей и всех треволнений решил выпить чашечку крепчайшего кофе. Сварил и отпил чуть больше половины. Сердце бешено застучало, и кинжалом полоснула резчайшая головная боль.

Он, чуть не теряя сознания, преодолевая боль ради нее, добрался до двери, открыл и пластом рухнул в подъезд. Скорую вызвали соседи.

«Тоооонь...» – шептал он перед потерей сознания, зовя ее, быть может в последний раз, промелькнуло в его голове, и свет померк.

***

На дороге была огромная пробка, Антонина сидела как на иголках. В ее голове звенели слова: «Тонь, я умираю...»

«Антошенька, ты только, пожалуйста, дождись меня! Дождись, и тогда все будет хорошо! Я нежно обниму тебя, и ты вернешься! Ты всегда возвращаешься ко мне! Только дождись! Я лечу к тебе, мой любимый!» – шептала она.

Аркадия смотрела и укоризненно покачивала головой.

«Куда тебя такую денешь! Ты, Тонь, спроси там, может чего нужно, лекарств там, или еще чего. Мы поможем. Лишь бы все обошлось. Жалко все-таки мужика, хоть и бабник, но ведь уж слишком молодой! Подумать только инсульт в 54! Да! Как бы душа не была молода, а годы свое берут. изнашиваемся, как и все механизмы! Тонька, ты это... держись! Сейчас уж доедем скоро! Может, черт с ней со встречей, с тобой пойти?» – спросила Аркадия.

«Нет, что-ты! Там же реанимация. Не пустят!» – ответила она.

«Да, я ведь чтоб тебя поддержать! Мало ли что...» – потихоньку, почти прошептала подруга.

«Аркаша, милая! Ты его живого не хорони! Лишь бы дождался! Да я его и с того света достану!» – с жаром проговорила Тоня и схватилась за сердце. Острая игла пронзила ее насквозь мгновением острой боли.

Антонина замерла и замолчала. Страшная мысль промелькнула в ее голове.

«Аркаша, мне страшно! Похоже, я опоздала...» – и вдруг слезы ручьи брызнули из ее глаз.

«Не реви! Смотри, больница уже видна, беги быстрее!» – подъехав к шлагбауму. Аркадия буквально вытолкнула ее из машины. «Беги я сказала!» – закричала она, и Тоня побежала.

Она ворвалась в приемное отделение и расталкивая всех побежала по коридору, надеясь, что бежит в правильном направлении.

«Где реанимация?» – остановила она медсестру.

«На пятом этаже» – ответила девушка, но в верхней одежде и без халата не пустят»

Тоня бежала по лестнице, перепрыгивая через 3 ступеньки, скидывая по пути с себя куртку, шапку, бросая прямо на пол лестницы.

5 этаж. Реанимация.

Кровати. Трубки. Жужжание аппаратов.

Вот он!

Около него стояло 4 врача, один убирал в чехол дефибриллятор.

«Что с ним?» – закричала она.

«Женщина, вам сюда нельзя! Выйдите!»

«Что с ним?» – она подбежала к нему и обняла. Горячие слезы лились прямо ему на лицо. Глаза его были закрыты. Он был безучастен ко всему.

«Антошенька! Вернись! Я тебя умоляю! Вернись ко мне! Я никогда тебя не просила об этом. А сейчас прошу! Вернись! Открой глаза! Посмотри внимательно к кому ты уходишь? Это же кривая старуха с косой! Антошенька, у тебя всегда был хороший вкус! Что за соперницу ты мне нашел? Смерть! Я не отдам тебя в ее ледяные объятия! И если ты не вернешься, я приду к тебе сама! Слышишь? Мне тоже придется отдать в ее костлявые руки свое тело! Жить без тебя я не буду!»

«Ну сделай те же что-нибудь!» – закричала она.

Врачи переглянулись, они сделали все, что могли. Они проводили реанимационные мероприятия больше получаса, и прекратили лишь тогда, когда надежды совсем не осталось.

Но видя ее страдания, решили дать еще пару разрядов, чтобы она собственными глазами убедилась в том, что сделать уже ничего нельзя. Они снова достали дефибриллятор, приложили электроды к его груди.

«Все убрали руки с кровати! Разряд!»

Тело Антон дернулось. Но монитор продолжал показывать лишь прямую линию.

«Еще разряд!»

Линия. Ровная. Совершенно прямая.

«К сожалению, мы бессильны помочь...»

«Еще, раз молю вас! Еще раз! Что вам жалко что-ли?» – плакала она.

«Батарея разряжена. Аппарат вряд ли выдаст еще один разряд. В его головном мозге уже начинаются необратимые изменения. Мы бессильны...»

Но покачав головой, молодой доктор снова приложил электроды к груди.

«Разряд!»

Аппарат на последнем издыхании со злобой выплюнул всем в лицо последний разряд, и безжизненно погас.

Раздался грохот. Антонина пластом упала на пол. К ней подбежали.

«Вероятно, она держалась за спинку кровати во время разряда!» – сказал кто-то из них. Тоню стали приводить в чувство, подносить к ее носу вату, смоченную нашатырным спиртом, похлопывать по щекам.

«Смотрите! – воскликнула одна врачей, показывая рукой на приборы- по монитору пробежала молния- QRS- комплекс.

Реаниматологи снова принялись за свою, самую обычную, повседневную работу. Спасать людей, вытаскивая их в самом прямом смысле этого слова, с того света. Никого произошедшее не удивило. Обыкновенное чудо не раз случалось в этих стенах.

Через минуту Тоня очнулась. Ее вывели в коридор.

«Не волнуйтесь! Теперь, надеемся, все будет хорошо! Он жив. Первый кризис миновал!» – сказал ей кто-то и торопливо скрылся за дверью.

«Жив!!! -обрадовалась она- Первый кризис! Неужели будет еще и второй?»

Антонина ошибалась, ужасаясь возможности второго. Она даже в самом страшном сне не могла представить, что может быть еще и третий, а может и еще. Инсульт – коварный и хитрый враг. Никогда не знаешь, какой сюрприз он спрятал за пазухой, и когда он достанет его.

Куда проще профилактировать инсульт, соблюдая правила: вовремя принимать таблетки от давления, не работать в наклон, избегать работы на даче в жаркое время суток, не пить очень крепкое кофе и не волноваться по пустякам, чем лечить от него.

Антон был без сознания и Тоню отправили домой.

Находясь в коме, он благополучно преодолел кризис третьего дня. И только на седьмые сутки пришел в себя.

Никто не давал никаких прогнозов, какие будут последствия. Говорили о возможной парализации всего тела, или одной стороны, о потери речи или памяти, но Антонина свято верила в то, что все будет хорошо!

Она самоотверженно ухаживала за ним, и благодаря усилиям медперсонала в сочетании с ее ежеминутной заботой он быстро пошел на поправку.

Через месяц его выписали. Антон мог говорить, правда речь его не была такой чистой и быстрой, как раньше, мог ходить, правда с тростью, подволакивая правую ногу, самой большой проблемой оказался парез правой руки. Кисть почти бездействовала. Он не мог охватить стакан, в пальцах не было силы, не мог застегнуть пуговицы, не было ловкости, не мог писать, не мог самостоятельно одеться.

Но не смотря на все это Тоня была бесконечно счастлива, ведь ее Антон, ее ненаглядный Антошенька был рядом.

Работать более он не мог, ходить в дорогие кафе, где обычно и находили его нарядные куклы пустыми глазами, тоже. На улице женщины не заглядывались на него более, и если он ловил на себе взгляды, только наполненные сочувствия. Антонина же неожиданно расцвела и похорошела. Она неистово и неустанно заботилась о нем. Водила его за руку в поликлинику на массаж, капельницы, лечебную физкультуру и физиолечение. Вовремя давала таблетки.

Она всегда была рядом.

Сердце его переполняла благодарность, выливавшаяся в трепетное и нежное отношение к ней.

Антонина впервые в жизни почувствовала себя нужной ему, и понимала, что ему сейчас без нее было бы непросто.

Частенько они под ручку гуляли в парке, сидели на скамеечке, кормили голубей и смотрели на пруд. Она была бессовестно счастлива!

Приближался юбилей Аркадии и они, в кои-то веки раз, вместе ходили по магазинам и выбирали ей подарок.

Как же Аркадия была хороша, ей с легкостью можно было дать и тридцать, казалось года не властны над ней.

«Это все потому, что я никого не впускаю в свое сердце! – говорила она»

Праздновали юбилей в ресторане. Главной интригой вечера должно было быть ее появление с новым мужчиной, о котором шло много толков и пересудов, особенно всех волновал его возраст.

«Надеемся, он хотя бы совершеннолетний» – подшучивали над ней сотрудники.

Все расселись за столы и ведущая пригласила юбиляршу.

Зал замер и охнул от неожиданности.

Их Аркадия гордо вышагивала рядом с седовласым мужчиной, на вид лет 60—65. Она так сияла, что можно было сравнить разве что сиянием огромного брильянта, украшавшего безымянный палец левой руки.

Он галантно усадил ее на почетное место и подошел к микрофону: «Я поздравляю тебя, моя дорогая новобрачная, моя любимая новоиспеченная жена, золотая юбилярша, и хочу преподнести тебе подарок. Кругосветное путешествие на двоих. Надеюсь, ты не возражаешь, что с этой минуты я всегда буду сопровождать тебя?»

По залу прокатился вздох изумления.

Аркадия поступилась своими принципами и все-таки пошла под венец.

Антонина и Антон были так рады за нее, да и все остальные гости тоже.

Они танцевали, несмотря на то, что ему было достаточно трудно, Антон приглашал ее на все медленные танцы.

Поздним вечером, когда все закончилось уставшая и довольная Тоня открыла дверь и вошла в квартиру, Антон, прихрамывая, вошел за ней.

На полу из роз было выложено огромное сердце. В спальне весь пол был усеян лепестками алых роз, а на кровати лежал плакат с корявыми буквами-

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!!!

Она стояла, закрыв ладошкой рот, и плакала.

«Сам писал?» – спросила она.

«Сам!» – гордо ответил Антон.

Полгода постоянных ежедневных тренировок потребовалось ему, что бы суметь удерживать в руке маркер.

Лучше этого подарка и выдумать было невозможно!

«Милая моя Тонечка! Моя дорогая Антонина! Даже имена наши наполовину состоят из одних и те же букв. Ты – единственная моя любовь! Я прошу прощения за все, что тебе пришлось пережить из-за меня! Пока я выкарабкивался, пообещал себе, что сделаю тебя самой счастливой женщиной на земле и твердо намерен воплотить это в жизнь!»

Антонина бросилась к нему на шею, целуя его лицо, шею, руки.

Антошенька, любимый Антошенька, меня всё это время, мучает один вопрос: «Что было с тобой, когда тебя уже с нами не было? Ты что-нибудь помнишь?»

«Да, Тонь. Я все помню. Помню, как вдруг я поднялся над своим телом высоко-высоко в самые облака, мне было так хорошо. Блаженство- вот, что испытывал в тот момент и вдруг, увидел тебя, ты стала отделяться от тела, тогда я бросился вниз, к тебе и ты хитро улыбаясь снова забралась в свое тело обратно. Я стал подниматься, но облака стали упругие и мне ничего

не оставалось делать, кроме как вернуться в себя. Ты выполнила и тут свое обещание- вытащила меня с того света!»

«А я думала, мне это все приснилось» – улыбаясь, сказала она.

Он притянул ее к себе, выключив свет.

А через 6,5 месяцев на свет появилась малюсенькая кроха. И это тоже было самое обыкновенное чудо.

Беременность, невесть откуда взявшаяся, в ее годы, была очень тяжела. С четвертой недели она весь срок пролежала в больнице, последние три месяца, не вставая с постели, так как возникла угроза кровотечения, Тоня рисковала жизнью, ведь оно могло открыться в любую минуту. Врачам ценой невероятных усилий удалось дотянуть до 6, 5 месяцев, но из-за поднявшегося резко давления до огромных цифр, пришлось сделать кесарево сечение, чтобы спасти их. Девочка была похожа на дюймовочку, с малюсенькими ручками и ножками, казалось, она с легкостью могла бы поместиться на широкой мужской ладони, 2 месяца она находилась в кювезе-инкубаторе. Но они, все втроем, справились!

Дочка быстро набирала вес и развивалась, скоро уже могла самостоятельно дышать, Антон научился справляться сам, его рука стала работать почти так же хорошо, как и раньше. Теперь, когда он остался на целых полгода дома один, он научился всему. Готовить, стирать, делать уборку. Каждый день он ходил к Тоне, а потом еще и к дочке, в больницу и был совершенно счастлив, что судьба подарила ему еще один шанс все исправить! Теперь пришла его очередь заботиться о ней!

Антонина же частенько спрашивала себя: «За что мне такое счастье?»

За что?

26.04.2016

«Птица»

Белой молнией мелькала птица среди кучевых облаков, то появляясь, то исчезая внутри тумана, сотканного из мельчайших капелек воды. Она летела с такой скоростью, что ветер свистел, обтекая ее хрупкое тельце.

Она, то сильно и широко взмахивала крыльями, то раскидывала их в стороны и парила высоко-высоко над далекой землей, наслаждаясь полетом.

Над облаками сияло янтарное солнце, даруя ей свет и тепло. Лазурный небосвод манил вдаль.

Ей нравился контраст белого и синего, и она продолжала прорезать облака стремительным движением. Она нанизывала их, как бусины на нитку, только эта нить была так тонка, что разглядеть ее было невозможно.

Птица, то резко взмывала ввысь, то внезапно опускалась вниз. Она играла с ультрамариновым небом, с ярко-оранжевым солнцем, с пушистыми облаками.

Отсюда, сверху, всё находившееся на земле, было маленьким-маленьким, все заботы становились здесь мелкими и ничтожными.

Ее душа ликовала. Это был восторг!

Перышки на ее крыльях трепетали от движения ветра, так же трепетало и ее сердце.

Она была влюблена. Так хорошо ей еще никогда не было. Большого наслаждения, чем парить, разрезая крылом сине-белую высь, и придумать было невозможно!

Но как бы не был прекрасен полет, еще прекраснее было возвращение гордой птицы под крыло ее возлюбленного.

Ведь даже птицы нуждаются в отдыхе, даруемой ей землей.

«Сказка о воздушном шарике»

Однажды, в один прекрасный, солнечный день, родился Шарик. Он появился на свет вместе с тысячами своих братьев.

Как и все новорожденные, он был немного сморщенный, его легкие еще не наполнились воздухом, а за спиной еще не выросли крылья.

Шарик огляделся вокруг – синие, желтые, светло и темно-зеленые, сиреневые, розовые, фиалковые- братья и сестры сияли всеми цветами радуги!

«Интересно, какой же я?» – подумал он, и извернувшись, взглянул на себя.

«Красный! – выдохнул он, – как помидор! Или как вареный рак! Как пылающие щеки и уши! Словно мне стыдно!»

Шарик очень расстроился. И хоть таких же шариков в этой партии было не мало, но все они казались ему красивее, чем он. Этот светлее, этот с перламутровым оттенком, этот похож на малину, а этот на спелое яблоко, и только он! Он один, такой... такой...

Какой именно он не мог подобрать слов.

Настроение Шарика испортилось.

Фасовщица ловкими руками разложила всю партию по пакетам. Шарик оказался в соседстве с двумя желтыми, тремя зелеными, несколькими синими (различных оттенков), и он. Один единешенек красный.

Он забился в самый угол, чтоб не бросался в глаза.

Это пристанище надолго стало родным домом для шариков, и все они сдружились между собой, и только красный избегал общения, слишком он вызывающе выглядел. По крайней мере, ему казалось так.

Жизнь у него была унылая и однообразная. Серые будни, как две капли воды походили друг на друга, а выходные очень походили на будни.

И Шарик уже стало казаться, что так безрадостно и пройдет его жизнь...

Но вдруг, молоденькая продавщица извлекла на из под прилавка несколько упаковок с шариками.

Два ребенка перебирали их, перекладывая с места на места, пытаясь выбрать упаковку с самыми красивыми шарами.

После долгих размышлений, они выбрали тот, где жил Шарик.

Братья и сестры Шарика оживились: «Ура! Наконец-то мы вырвемся на свободу из тесного плена! Вдохнем полной грудью! Поднимемся к облакам!»

Все ликовали, и только маленький Шарик боялся. Боялся всего... Ему было страшно покидать уютный дом!

Особенно он боялся того, что окажется никому не нужным. Кто же захочет играть таким некрасивым, слишком ярким, шариком?» – думал с горечью он.

Не зря говорят, любите себя и другие полюбят вас. Не зря считают, что мысли материальны! Именно так все и случилось!

Ребятишки быстро расхватали понравившиеся шары. В пакете остался только он и еще один синий.

«Бах!» – громкий звук раздался вдруг.

«Ой! Зеленый лопнул!» – послышался голос мальчишки.

«Зеленый!» – ужаснулся Шарик.

«Он был таким веселым! Он так мечтал подняться до самого солнца и на мгновение закрыть его, чтоб хоть на мгновение окрасить мир в свои оттенки!»

Чья-то небольшая ручка забралась в пакет, и сердце у Шарика сжалось! Пришел и его черед! Сейчас и он сделает: «Бах» и красными опавшими листьями упадет в виде лоскутков на землю...

Но в этот раз судьба сжалилась над ним. Рука достала синий шар.

«Ах! Я совсем никому не нужен!» – упал духом Шарик, уже позабыв, что только что мечтал остаться в пакете, ставшем ему домом.

«Смотрите, смотрите! Тетенька плачет!» – закричал мальчуган. Он взял пакет и подбежал к ней, сунув его ей в руки.

«Может это развеселит вас?!» – крикнул он на бегу, на минутку обернувшись.

Девушка повертела упаковку и достала тонкими пальчиками резиновый шарик.

Она посмотрела на него и со вздохом: «Кто знает, а вдруг и правда утешит?» – поднесла его к губам.

Этот головокружительный поцелуй длился целую вечность!

Сердце Шарика забилося, а легкие расправились, и он задышал полной грудью.

Он дрожал от радости и нетерпения.

Девушка аккуратно завязала узелок и достала из волос тесемочку, привязав ее к нему.

Шарик от счастья воспарил вверх.

Его душа пела, ведь он с первого взгляда влюбился в эту прекрасную незнакомку!

Еще никогда его жизнь не была так чудесна!

Девушка подняла глаза вверх и воскликнула: «Он алый! Совсем как алые паруса!», и улыбнулась, ослепив его своей сказочной улыбкой!

Состояние невесомости и окрыленности заполнило все его существо!

«Я люблю тебя!» – кричал он ей сверху.

Она не ничего не слышала, но почему-то в ее душе наступил рассвет. Алое солнышко показалось из-за хмурого горизонта и ей стало тепло и радостно!

«Помогло!» – весело подумала она, и вдруг почувствовала себя совсем маленькой девочкой.

Она долго сидела, держа в руках Шарик, порхающий где-то лазурном небе, и ей казалось, что она поднимается с ним. Над землей, минуя крыши домов и верхушки деревьев, проплывая меж белых, пушистых облаков, она шла по коромыслу радуги и весь мир ее расцветал.

Все ее горести и печали показались отсюда, свысока, мелкими и ничтожными, из-за которых совсем не стоило расстраиваться.

Она чувствовала себя белой птицей и скоро уже самостоятельно парила над землей!

Это был самый прекрасный их день!

День абсолютного счастья!

И даже когда алое сердце Шарика лопнуло от горя, от того, что он увидел, как радостно осветилось ее лицо, когда она увидела молодого человека, спешащего к ней с букетом цветов, даже в этот миг, когда мелкие красные лоскутки осыпали ее дождем в последнем полете прикасаясь к ее волосам и рукам, даже тогда, он не жалел, что это приключение с ним было!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.